

Вчера главный герой был без сознания и пропустил утренний доклад, а сегодня, едва очнувшись, отправился в темницу. После завершения государственных дел несколько сановников объединились, чтобы найти Чу Чанси и попросить у него совета по управлению государством.

Хотя Чу Чанси не знал, что именно в нынешнем государстве Чжао считается лучшей стратегией правления, он, опираясь на опыт выполнения заданий в прошлых мирах и мудрость книг, обсуждал с ними дела полдня. Уходя, вельможи с воодушевлением говорили:

— Беседа с юным господином поистине принесла огромную пользу. Прав был премьер-министр: юный господин обладает выдающимся талантом и стратегическим видением, он первый человек в нашей эпохе.

Когда чиновники ушли, Чу Чанси поднял голову: небо было безоблачным, лишь изредка пролетали птицы. Он вошел в кабинет, попросил Вэй Ци приготовить всё необходимое для письма и решил записать основные тезисы обсуждения.

Перед столом Вэй Ци растирал тушь. В лучах солнца, падающих из окна, его взгляд замер на рисовой бумаге, где кисть господина двигалась легко и уверенно, словно живая. Раны Вэй Ци еще не зажили — он нанес их себе сам, чтобы не выдать правду, и действовал безжалостно. Но, пролежав всего одну ночь, он испугался, что господин заподозрит неладное, и через силу поднялся. Теперь, когда можно было при ярком свете дня стоять так близко к господину и наблюдать, как тот пишет, он чувствовал, что всё это того стоило.

— Вэй Ци, ты снова витаешь в облаках, — Чу Чанси отложил кисть и повернул голову. Его лицо, озаренное светом, казалось выточенным из нефрита, а длинные волосы и аромат туши словно слились воедино.

Вэй Ци собрался с духом и виновато опустил голову. Он не умел красиво говорить и боялся разгневать господина, не зная, как начать разговор.

Чу Чанси, набравший у Системы множество первоклассных лекарств, раскрыл перед ним ладонь, на которой лежало несколько изумрудно-зеленых флаконов:

— Поранился? Забери, прикладывай к ранам. В эти дни как следует отлеживайся.

Раны — пустяк... Вэй Ци подумал о том, как господин мог не заметить его состояние, но промолчал и лишь крепко сжал флаконы в руке:

— Благодарю, господин.

От флаконов всё еще исходило тепло пальцев господина, которое, казалось, проникало с ладони прямо в самое сердце.

— Ступай отдыхать, здесь мне помощь не нужна.

— ...Слушаюсь.

Как только Вэй Ци ушел, Система взвизгнула в голове:

— Тот момент, когда ты это делал, видел главный герой, он прятался в тени!

Чу Чанси снова взял кисть и, продолжая писать, ответил:

— Я знаю.

— И ты всё равно заботаешься о Вэй Ци? Ты полдня даже не спросил, как там главный герой, зато позволил ему увидеть, как ты нежно печешься о подчиненном! Что он теперь подумает?

— Подумает, что я его убью.

— ...

Казалось, если он его не убьет, хозяину уже не удастся выпутаться из ситуации.

— Хозяин, ты злишься на главного героя?

— Ты слишком много думаешь. Вэй Ци должен поскорее поправиться, для спасения Ли-вана мне понадобится его помощь.

Система показала Чу Чанси запись с камер наблюдения из темницы. Когда главный герой вышел оттуда, его чистые одежды почему-то снова пропитались кровью. Он ступал по холодным, влажным ступеням, длинные волосы были распущены, лицо смертельно бледное, губы в крови, а вид, исполненный зловещей ауры, казался безумным.

Но, оказавшись под ярким солнечным светом, он словно восставший из ада призрак, обретший вторую жизнь, поднял окровавленную руку, чтобы прикрыть глаза от внезапного блеска, и тихо рассмеялся:

— Чанси, как же мне тебя отпустить... Или, быть может, не отпускать вовсе...

Е Фэн следовал за ним, глядя на то, как государь то ли плачет, то ли смеется, и не знал, как его утешить. Император был весь в крови, но, казалось, не чувствовал боли и не обращал на нее внимания. Е Фэн всегда подозревал, что его величество давно сошел с ума.

— Ваше Величество, ваши раны...

Чжао Цзиньюй опустил руку и посмотрел на себя, словно только сейчас заметив, что превратился в кровавое месиво. Его раны, едва начав затягиваться, снова разошлись, и теперь всё стало только хуже.

— В таком виде к нему нельзя, — Чжао Цзиньюй нахмурился и поспешил к своим покоям.

Сначала он смыл с себя кровь, заново обработал раны, переделался в чистое и, глядя в медное зеркало, заставил себя растянуть губы в привычной мягкой улыбке, прежде чем отправиться к Чу Чанси.

Но у самого входа в покои он случайно заглянул в окно и увидел эту сцену: человек, которого он любит больше жизни, заботится о другом, даже не спросив о его собственных ранах. Даже когда он в бреду молил о внимании, даже когда был при смерти — это не вызвало у Чанси ни капли участия.

Верно.

Он действительно его не любит.

Тогда зачем он рядом? Чего он хочет добиться?

Е Фэн, сопровождавший императора, тоже увидел эту сцену. Он ожидал, что государь опечалится, но тот лишь сильнее улыбнулся, в глазах по-прежнему сиял мягкий свет. Крепко прижав к груди кувшин с вином, он шагнул через порог.

Это вино император выкопал сегодня утром на руинах дворца Хуань, где когда-то жил наследный принц. Тот пожар пять лет назад превратил главный зал в пепелище, и с тех пор дворец пустовал, зарастая дикой травой. Проснувшись, государь, вспомнив что-то, отправился в это давно забытое место. В густых зарослях, среди колючих веток, он долго шарил руками, пока наконец не выкопал этот кувшин.

— Жди у входа, внутрь не заходи.

У дверей Чжао Цзиньюй бросил на него взгляд. Е Фэн склонил голову в знак согласия и остановился.

Когда Чжао Цзиньюй вошел, Чу Чанси всё еще продолжал писать, словно не замечая его присутствия. Он встал в стороне, ожидая, и его взгляд скользнул от запястья Чу Чанси к подолу его халата.

Только когда Чу Чанси отложил кисть, Чжао Цзиньюй поднес кувшин к его глазам и с сияющей улыбкой произнес:

— Чанси, твое любимое вино из сотни цветов.

Чу Чанси скосил взгляд и увидел, что главный герой улыбается, словно ребенок, ожидающий награды за свои труды. Казалось, всё, что произошло вчера, не имело значения. Он смотрел на него так же, как тогда на лодке: с нежностью в глазах и чистой улыбкой.

Но на тыльной стороне ладоней, державших кувшин, виднелось множество мелких порезов — глубоких и не очень, из них сочилась кровь. Чу Чанси сделал вид, что ничего не заметил, отвел взгляд и промолчал.

Чжао Цзиньюй, увидев такую реакцию, не стал, как раньше, грустить или отступать. Напротив, он подался вперед, притворно надув губы:

— Чанси, ты совсем не беспокоишься обо мне? Я получил столько ран, мне так больно. Нет, сердце болит.

Его слова звучали то ли в шутку, то ли всерьез, и было трудно понять, где правда.

Чу Чанси: «...»

Система дрожащим голосом: «Этот главный герой... он сошел с ума?»

— Если ты ранен, почему не отдыхаешь? — после короткого молчания Чу Чанси отстранил Чжао Цзиньюя.

Тот пошатнулся, прикрыл рот рукой, подавляя кашель, и хрипло рассмеялся:

— Я пошутил, раны уже лучше, это пустяки.

Чу Чанси повернулся к нему. Его лицо, белое как нефрит, походило на снег, падающий в бесконечном небе, а в глубине глаз застыла холодная вода, от которой становилось не по себе. Но Чжао Цзиньюй больше не боялся и не переживал: всё равно, что бы он ни делал, для него это лишь ложь.

Он непринужденно улыбнулся:

— Хочешь выпить? Мы ведь вместе его закладывали.

— Не хочу.

— Почему? Разве ты его не любишь? — улыбка наконец дрогнула. Когда он закапывал это вино, он ведь был к нему добр, он улыбался ему. Неужели всё это было ложью?

Чу Чанси был по натуре холодным и отстраненным, его эмоции никогда не отражались на лице, как у обычных людей. Это был единственный раз, когда Чжао Цзиньюй видел его улыбку. Он помнил это долгие годы, и каждый раз, когда вспоминал, сердце словно обжигало огнем.

Но сейчас Чу Чанси поднял глаза, в которых царил полный покой, не позволяющий прочесть ни единой мысли. Глядя на рушащуюся улыбку Чжао Цзиньюя, он холодно произнес:

— С чего ты взял, что оно мне нравится?

Улыбка застыла на лице Чжао Цзиньюя.

И правда. Чанси никогда не говорил ему, что любит его, не говорил, что любит это вино, и никогда не говорил, что любит его самого.

Чего он еще ждет? Пора смириться.

— О, — Чжао Цзиньюй опомнился и небрежно отшвырнул в сторону кувшин, который искал полдня, получив столько ран. Игнорируя боль в сердце, похожую на укол иглы, он снова заставил себя улыбнуться: — Чанси, я ошибся. Ты сердишься на меня? Я прошу прощения.

— ...

— Чанси, скажи, что я сделал не так? Я всё исправлю.

— ...

— Чанси, хочешь выйти из дворца?

Чу Чанси, уже собиравшийся уйти, замер.

— Если хочешь, просто возьми с собой стражу для охраны, мне не обязательно докладывать, — он притворно закашлялся и добавил слабым голосом: — Я тяжело ранен, так что не смогу составить тебе компанию.

«Хочешь что-то сделать за моей спиной? Я дам тебе такую возможность».

Система: «Ничего не понимаю в этом главном герое! То раны зажили, то он при смерти, противоречит сам себе, врет на каждом шагу! Чего он добивается? Отпускает тебя одного, неужели не боится, что ты уйдешь и не вернешься?»

Чу Чанси посмотрел на него:

— Что с Вашим Величеством сегодня? — спросил он спокойно. В его глазах по-прежнему лежал снег и иней.

Чжао Цзиньюй подхватил край его халата, голос стал еще нежнее:

— Со мной всё хорошо.

«На самом деле всё плохо. У меня есть сердце, и оно правда болит, и я правда могу умереть. Но если это нужно Чанси, то всё остальное... не имеет значения».

Чу Чанси, казалось, не обратил внимания на то, почему тот внезапно смягчился:

— Хорошо, сегодня ночью я выйду из дворца.

Он повернулся и направился к выходу. Подол халата выскользнул из рук императора. В дверях сиял дневной свет, и его силуэт казался таким, будто он сейчас уйдет и никогда не вернется.

Чжао Цзиньюй смотрел на свои пустые руки, чувствуя, как внутри нарастает паника, но он заставил себя остановиться и лишь спустя долгое время спокойно пошел следом.

— Чанси, не сердись на то, что сказал великий генерал, я уже объяснился с ними.

— Я не сержусь.

— Вот и хорошо.

Чжао Цзиньюй наблюдал, как Чу Чанси выходит во двор. Он больше не скрывал своего взгляда, жадно впиваясь глазами в любимого человека. Он не знал, сколько еще дней сможет видеть его, и всё надеялся: если это сон, пусть он продлится подольше.

Он смотрел, как его возлюбленный упражняется с мечом в лучах заката, похожих на кровавую луну. Чжао Цзиньюй вернулся в дом, достал тот кувшин и сделал большой глоток. Вино обожгло горло, словно огонь, опалая внутренности. Он никогда не думал, что обычное вино может так ранить душу.

Когда Чу Чанси остановился, срубленные листья плавно опустились на землю. Чжао Цзиньюй подхватил один из них, чувствуя свежий аромат зелени, и с улыбкой подошел к нему:

— Чанси, ты устал?

— Разве Ваше Величество не должно сегодня заниматься государственными делами? — спросил Чу Чанси.

— Разве я не могу позволить себе полениться хотя бы день?

Чжао Цзиньюй стряхнул лист с его плеча и тихо спросил:

— Я ведь разрешил тебе выйти из дворца, может, и ты выполнишь одну мою просьбу? — Его голос звучал спокойно и прямо, словно он знал, что торгуется.

— Какую?

— Можешь поцеловать меня по своей воле?

Чу Чанси бросил на него взгляд и собрался уйти, но Чжао Цзиньюй схватил его, прижал к себе и впервые так жестко, не терпя отказа, приподнял его подбородок и впился в губы.

Безумно и отчаянно.

— Если Чанси не хочет, то я поцелую тебя сам.

Когда Чу Чанси покидал дворец с Вэй Ци, к Чжао Цзиньюю подошел тайный страж. Государь

как раз читал записки, написанные Чу Чанси. Услышав доклад, он замер, но тут же подавил вспыхнувшую в глазах ярость и махнул рукой:

— Не нужно следовать за ним.

Мастерство Чанси постепенно возвращается, если он захочет оторваться, он сделает это без труда. Лучше не следовать.

Только куда он идет? Что собирается делать?

Наверняка к Чэнь-вану... обсуждать дела третьего принца.

Чжао Цзинъюй тихо рассмеялся, но смех перешел в приступ сильного кашля, пока в горле не появился привкус крови, и он не начал харкать ею...

Чу Чанси действительно отправился к Чэнь-вану. Никто его не преследовал, поэтому он напрямик направился в резиденцию. Чэнь-ван, казалось, всё еще анализировал ту партию в шахматы, словно одержимый, но сегодня выглядел более раздраженным, а на челе его залегла тень тревоги.

Чу Чанси вошел во двор и предложил сыграть еще одну партию. В процессе игры Чжао Цзючэнь, конечно, не выдержал и рассказал о том, что Ли-ван заточен в темнице.

Чистый ветер, свет луны, дрожащее пламя свечей.

Чу Чанси, воплощение благородства, поправил рукав и сделал ход. Взглянув на доску, он слегка удивился:

— Вот как? Он действительно жив?

Чжао Цзючэнь был взволнован тем, что этот человек снова пришел к нему. В те годы юный господин, прославившийся на весь дворец, никогда не обращал внимания на мирские вещи, но все стремились оказаться рядом с ним. Сначала сын любимой наложницы всячески пытался ему угодить, затем будущий наследник повсюду следовал за ним.

Поэтому, какое право имел такой принц, как он, без власти и влияния, открыто претендовать на его внимание?

Поэтому Чжао Цзючэнь часто прятался вдалеке, подглядывая за ним, или притворялся, что встретил случайно, чтобы воспользоваться возможностью побыть рядом. Но даже так шансов оставалось немного. Хотя он каждый раз старался попасться ему на глаза, в ясных, как ручей, глазах этого человека, казалось, никогда не было отражения других.

Но, к счастью, его тайное следование принесло плоды: он однажды встретил Чу Чанси,

выходящего ночью из дворца, и сохранил его секрет. Это было полезно, и только тогда Чу Чанси выделил его из остальных.

Вспомнив об этом, Чжао Цзючэнь про себя прошептал: «Я стану тем, кто будет тебе полезен», — и с серьезным лицом произнес:

— Да, Цзючэнь не станет обманывать господина. И прошу, будьте спокойны, я приложу все усилия, чтобы помочь вам вызволить Ли-вана.

Он не собирался рассказывать об этом так скоро, но слухи о грядущей свадьбе императора и императрицы не давали ему покоя.

Чу Чанси опустил глаза. Кончики его пальцев, державших шахматную фигуру, слегка дрогнули. Он с сомнением произнес:

— Но побег из тюрьмы — это нарушение законов государства Чжао. Если всё вскроется, это может навредить Чэнь-вану.

— Будьте спокойны, господин Чу, у меня хватит сил себя защитить.

— Но, как ты и сказал, стража в темнице очень бдительна. Боюсь, это будет нелегко.

Это поставило Чжао Цзючэня в тупик. Он всегда считал, что император специально ослабил бдительность, чтобы заманить их в ловушку, и боялся, что если попытка провалится, он лишь спугнет змею и навредит Чу Чанси.

Видя, что тот молчит, Чу Чанси внезапно поднял взгляд:

— У меня есть план.

— Какой?

— Действовать в день свадьбы императора.

<http://bllate.org/book/19901/1959226>